

DOI 10.22394/1726-1139-2018-7-49-55

К вопросу о формировании новой политической науки в современной России

Прошина Е. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; elena_proshina@mail.ru

РЕФЕРАТ

В данной статье содержатся размышления автора о необходимости уточнения основных понятий, бытующих (принятых) в нашей современной политологической литературе, таких как «политика», «культура», «политическая культура», «гражданское общество», «гражданская культура» и др. Автор утверждает, что это уточнение понятий может оказаться полезным в формировании новой российской политической науки, учитывающей специфические национальные особенности исторического и современного развития страны. Статья предлагается автором как первая из серии его статей по означенной проблематике и предполагает дальнейшее развитие дискуссии о предмете, концептуальном аппарате и методологии российской политической науки.

Ключевые слова: политическая наука, политическая культура, либерализм, консерватизм, национальная модель развития

The Formation of New Political Science in Modern Russia

Proshina E. M.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; elena_proshina@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the necessity of clarifying basic definitions accepted in our modern political science, such as «politics», «culture», «political culture», «civil society», «civic culture» and others. The author argues that this clarification of concepts may be useful in the formation of a new Russian political science, which would take into account specific national features of the past and present development of the country. The present piece is meant to be the first of a series of articles by the same author in whom she intends to further develop the discussion on the object, concepts and methods of Russian political science.

Keywords: political science, political culture, liberalism, conservatism, the national model of the development

---

Введение

Сегодня проблема формирования новой российской политической науки встает со всей очевидностью. Впервые эта проблема появилась еще в начале 90-х гг. XX в. на рубеже нашей советской истории. Марксистско-ленинская политическая наука, которая в течение 70 лет безраздельно господствовала в СССР, начала сдавать свои позиции, а с отменой КПСС и распадом страны реально встал вопрос о необходимости новой политической науки, базирующейся на новой идеологии. Конституция РФ 1993 г. содержала целый ряд статей, четко фиксирующих в соответствии с современными международными документами, права и свободы человека и гражданина, причем статьи 27–29, 35, 44 и некоторые другие особенно подчеркивали либеральный характер нового общественного устройства страны.

Первые же учебники политологии, появившиеся в начале 90-х гг. XX в., в основном были ярким свидетельством отказа авторов от материалистическо-диалектического подхода старой советской школы и принятия иной политической науки, построенной чаще всего на американских источниках. Бихевиористский принцип осмысления материала, уже прошедший на Западе свой «зенит» в 60-е годы XX в., в новой России занял ведущие позиции. Политическая наука превратилась в «политологию», т. е. науку о политике. Можно рассматривать это, конечно, как игру слов, казалось бы, какая разница «политическая наука» или «наука о политике»? Но бихевиористский подход (метод, принцип), основанный на позитивизме О. Конта (позаимствовавшего, мягко говоря, по утверждению Сен-Симона, его рукописи), диктовал достаточно жестко свои условия исследователям политики. Сама политика — «наивысшая из наук», по определению Аристотеля, превращалась в нечто вроде подопытного кролика, бактерию, молекулу, бабочку или цветок, для исследования которых можно было использовать только естественные, точные методы. Результаты таких исследований и должны были составить массив этой новой науки, ее основные принципы были изложены в новых учебниках по политологии, в статьях ведущих американских и многих российских политологов.

Трудно отвергать достоинства этого подхода и в этом нет нужды. Но все выводы этих работ были построены на опыте, очень далеком от опыта и истории России, только что вышедшей из беспримечной в истории человечества общественной модели, которую советские исследователи утопического сознания неоднократно называли реализацией вековой мечты человечества о коммунизме, т. е. как бы «осуществленной утопией» (по выражению Г. Маркузе)¹. В этом определении таится глубокий (двойной) смысл. Это можно понять как признание героического подвига советских людей, попытавшихся осуществить заведомо неосуществимое. Отсюда тот энтузиазм широких народных масс, которые строили и защитили в Великой войне свою страну. Но это и объяснение неизбежности тех страшных, репрессивных, методов, с помощью которых страна создавалась.

Перестройка и 90-е годы XX в. — попытка построения государства российского на основе чужого опыта, попытка перескочить из эпохи «развитого социализма» в развитый капитализм, минуя многовековой путь постепенного капиталистического развития, была заведомо утопической. Опыт дореволюционной России, прошедшей по пути капиталистического развития лишь несколько ступеней, едва ли мог быть использован, а опыт сотрудничества с индустриально развитым Западом после развала СССР не мог заложить основы ни подъема экономики, ни гармонического развития нового российского общества. Понимание неминуемой катастрофы жило в российском общественном сознании все 90-е годы XX в.

Почти два первых десятилетия XXI в. были годами не только преодоления последствий процессов 90-х, но и попыткой создания нового осмысления гражданами России собственной значимости и идентичности. На пути формирования новой отечественной политической науки оказалось множество препон, среди которых важное место занимает ситуация, сложившаяся в нашем «идеологическом поле». Дискуссии о национальной модели развития, о типе российской модернизации приобретают все более острый характер.

Об особенностях этой ситуации нам уже приходилось говорить в статье 2013 г. [8]. Положение к началу 2018 г. еще более усугубилось в связи с осложнениями в области международной политики, связанными, прежде всего, с успехами новой России на пути формирования системы собственной безопасности. А это, по нашему мнению,

¹ Известно, что само понятие «утопия» в переводе с греческого буквально означает «место, которого нет», и что уже автор первой коммунистической утопии Т. Мор признавал, что идеальное государство, описанное им, скорее «желательно, нежели осуществимо» [7].

невозможно без развития политической и гражданской культуры общества, одним из важнейших элементов которой является политическая наука новой России. И это должна быть именно **национальная** политическая наука, внимательная к опыту и мысли других государств, но использующая этот опыт в интересах своего народа и своей страны, действуя по своим историческим «лекалам».

Материалы и методы

Подход к решению этой задачи должен быть начат, по нашему убеждению, со ставшего уже привычным в научной и популярной литературе требования «уточнения понятий». Разумеется, это может и должно быть сделано с опорой на лучшие образцы классической политической мысли, условно, от Аристотеля до Гегеля¹. Нельзя, ни при каких условиях, пройти мимо теоретического и практического наследия Маркса и Энгельса, учитывая тот факт, что современная российская действительность, только что вышедшая из советской истории, во многом сохраняет влияние марксизма. И, конечно, нельзя обойтись без критического анализа того, что сделано в современной мировой политической науке в XX — нач. XXI в., так как знать это необходимо, но следовать этому надо с великой осторожностью.

Но **в основу** этой новой политической науки России как национальной политической науки (по аналогии с американской, французской и т. д.) необходимо положить лучшие образцы именно русской политической мысли с древнейших времен до начала XX в., выделив особым образом «советский этап» развития политической мысли, наконец, обратив пристальное внимание на *утрату российской идентичности* в 90-е годы XX в. и своеобразное приспособление — в этот период и до настоящего времени — западной политической терминологии к исследованию политического процесса и политических институтов современной России.

О каких же понятиях, требующих уточнения, идет речь в первую очередь? Прежде всего, это «политическая культура», «гражданское общество», «гражданская культура». Не обойтись также именно нам, российским исследователям, без уточнения понятия «интеллигенция» и таких идеологических конструкций, как «консерватизм», «либерализм»; понятий «демократия», «либеральная демократия» и др.² Вполне закономерен вопрос, мыслимы ли эти понятия вне исторических и национальных особенностей стран и народов, сохраняют ли они именно то содержание, которое вложено в них создателями этих понятий?³

Одно дело принять термин, другое — осмыслить его наполнение. Термин — это название, «имя» явления. Так, изначально греческий термин «политика» был обозначением нового явления, особого рода деятельности по управлению новым общественным организмом — *полисом* (градом, городом, государством), где имманентно присутствовала идея управления «множеством жителей полиса», «*политес*» (гражданами), что следует из самого происхождения слова, его этимологии. Напомним также, что граждане в полисах Древней Греции в среднем составляли не более 50% населения, а демос — наиболее многочисленная, но при этом наименее обеспеченная часть полноправных граждан — менее трети всего населения полиса. «Полития» Аристотеля потому и называлась им и последующими мыслителями «лучшей из возможных форм правления», что она имела в виду управление полисом силами

¹ Называю эти имена, поскольку именно в них вижу опоры для развития своих предложений.

² Разумеется, в небольшой по объему статье мы не сможем раскрыть все аспекты проблемы. Этот анализ будет продолжен и развит в след. статьях по данной теме.

³ Утвердительный ответ очевиден и даже оправдан, когда это заявляют американские политологи, подобные Л. Даймонду, по мнению которого даже такие дикие племена, как тау-реги, немедленно придут к западной цивилизации, стоит их ознакомить с ценностями либеральной демократии [5].

«среднего класса», объединявшего собственников среднего достатка и демос, что увеличивало численность участников принятия управленческих решений¹ [1]. Отметим также, что совокупность полноправных граждан, принимающих участие в управлении полисом, в античных демократиях, носила название «гражданская община». В Спарте, в частности, такая община, именуемая «Общиной равных», временами насчитывала немногим более сотни человек, а управляла она самым большим по территории полисом Древней Греции.

В Древних государствах Востока, хотя там были города и даже ранее, чем в Атике, не было категории граждан, государство не носило название — «полис» и называлось — «царство». Отметим, что по В. Далю, русское слово «государство» означает «царство, империя, королевство, страна под управлением государя» [6].

Все эти уточнения нам будут нужны, чтобы проследить происхождение и историю некоторых сегодняшних понятий.

По Гегелю, «сущность есть бытие», а «бытие должно являть себя» [3, с. 264–267]. Явление так и понимается, как проявление бытия. Само же понятие — это представление (понимание, рефлексия) о явлении, с претензией выявления его сути. Словосочетание в латинском языке — «per se» (когда мы говорим, например: «политика как таковая ...») и есть указание на то, что дальше следует нечто, содержащее самую суть явления. Это часто употребляемое словосочетание, но, к сожалению, оно нередко используется не для того, чтобы открыть суть, а просто для того, чтобы дать новое, именно свое, определение понятия².

Авторы учебников политологии утверждают о наличии более сотни определений термина «политика»³. И почти с каждой новой исследовательской работой число этих определений увеличивается.

Все эти определения могут быть, по нашему мнению, размещены в поле от определений политики как «важнейшей из наук» (Аристотель), как «искусство жить сообща во имя Общего Блага» (Платон) до определения типа «политика — дело грязное». Это, последнее, определение — бытовое, но оно широко распространено разнообразными критиками политики. Отметим, что и выражение «политический подход» употребляют часто в зависимости от ситуации, то в иронически-уничжительном плане: «ну, это *политический* подход!?!», то, в особенно ответственных случаях, восклицают уважительно-требовательно: «здесь нужен *политический* подход!».

Между этими пограничными определениями располагается их основная масса, фиксирующая, как правило, отдельные функции политики, например, целеполагание — «способ достижения коллективных целей» (Т. Парсонс), дистрибутивная — «способ распределения ценностей в обществе» (Д. Истон) и т. п. Значительна в этом плане позиция М. Вебера, который, вводя определения политики в широком и узком смысле, находит это явление во всех сферах человеческой жизни, где есть место «самостоятельному руководству». Но базовое определение политики Вебером — «стремление к власти», несомненно, отражая важную мысль о связи политики и власти, как бы сводит политику исключительно к завоеванию власти [2, с. 646].

Таким образом, суть политики оказывается далеко не однозначной у авторов. Между тем сам термин — «политика» может быть буквально понят «как наука,

¹ Характерно, что термин «полиархия», введенный американским политологом Р. Далем в XX в. в качестве термина, наиболее полно, по его мнению, выражающего идею современной либеральной демократии и означающий «власть многих», близок с точки зрения содержания к термину Аристотеля.

² Замечательно об этом сказано в словах знаменитой песни «Лестница в небо»: «Sometimes all of our thoughts are misgiven».

³ Мне, правда, никогда не доводилось увидеть этого списка, так же, как списка из более чем 500 определений понятия «культура», упоминаемого культурологами.

искусство, умение управлять государством». Более высокое и ответственное дело трудно себе представить, особенно сегодня в нашей стране. Но для того, чтобы его реализовать и для того, чтобы оценить этот труд, нужен исключительно высокий уровень политической культуры как лидеров, так и граждан страны.

Результаты

Принято считать, что каждый автор имеет право на свое определение того или иного понятия, поскольку так или иначе в этом определении возможно содержится частица сущности самого явления. Но представляется необходимым, чтобы в начале своих рассуждений автор предъявил читателю это свое определение понятия. Чаще всего, однако, в одной и той же научной работе понятие употреблено во множестве значений. Думаю, что могут существовать и появляться новые значения понятий в зависимости от исторических ситуаций и национальных особенностей. Но при этом понятие «как таковое», т. е. выражающее саму суть явления (**per se**), должно имманентно присутствовать и главенствовать в мыслительном процессе исследователя. Иначе мы постоянно будем говорить о разном.

То же можно сказать о понятии «культура». Чаще всего авторы в поисках истоков этого термина обращаются к самому раннему значению слова «культ», связывая его с практикой культивирования земли, т. е. облагораживания ее с целью принесения пользы человеку. Вот эти идеи «облагораживания и пользы» и составляют, по нашему мнению, основной смысл понятия «культура» и основное ее предназначение в мире социальном.

В противном случае, могут быть предложены термины «антиполитика» и «антикультура».

Принципиально важным для нас является понимание феномена культуры Г. В. Ф. Гегелем. Перечисляя практически все основные формы человеческой деятельности и ее достижения, он делает вывод: «Культура включает в себя все формы проявления «объективного духа данного народа» [3, с. 264–267].

Это, возможно, и есть то, что мы называем сегодня понятием «идентичность», т. е. тождественность самому себе в своей превосходной форме, а именно — тождественность высшим достижениям совокупного человеческого труда и ума. Думаю, что наличие «объективного духа» в стране и осознание его народом как высшей ценности и есть путь к национальной идентичности. А, возможно, именно ее суть!

В связи с вышеизложенным трудно согласиться с утверждением американского социолога Н. Смелзера, что «культура в жизни людей осуществляет ту же функцию, которую в жизни животных выполняет их генетически запрограммированное поведение» [9, с. 42]. Очевидно, что у животных нет пресловутой «свободы воли», которая, с одной стороны, нарушает «генетически запрограммированное поведение» человека, но, с другой стороны, делает его именно Человеком, способным как на героические подвиги — самопожертвование во имя спасения Родины или из религиозных и идейных соображений, так и обрекая его на пороки, вредящие ему самому, его близким, обществу в целом. Эта, другая, сторона поведения человека определена именно культурой, в том широком и высоком смысле, который дан в гегелевской формуле и включает в себя, в частности, и науку, и политику, и искусство, и технику. Таким образом, можно утверждать, что Гегель считал и «науку о политике» производной от культуры, одним из ее элементов.

То, что в настоящее время охватывается понятием «политическая культура», являлось предметом внимания многих мыслителей, в том числе Аристотеля, Н. Маки-

авелли, Ш. Монтескье, Г.-Ф. Гегеля, А. де Токвиля, М. Вебера, Н.Я. Данилевского, Н.А. Бердяева и других¹.

В контексте наших размышлений представляется особенно важным упомянуть имя немецкого философа и историка культуры Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803), который, по утверждению исследователей, первым ввел термин «политическая культура» в своем фундаментальном сочинении «Идеи к философии истории» (1784–1791) [4]. Несомненной заслугой философа можно считать факт, что, выдвигая (еще до Гегеля) в качестве основных такие элементы культуры, как язык; государство; семейные отношения; религию, искусство, науку и т. д., он обратил особое внимание на зависимость политической культуры от географических факторов и национальных особенностей. Позже, в 1835 г., ярко проиллюстрировал эту мысль Гердера А. Токвиль в своем труде «О демократии в Америке» [10].

Размышления и опыты выдающихся мыслителей прошлого и настоящего дают нам основания ставить и решить положительно вопрос о правомерности существования национального типа как политической культуры, так и находящейся под ее влиянием политической науки. Политико-культурный подход, как принято его называть, или, как мы бы теперь его обозначили, «культурно-политический», базируется не на противопоставлении политики и культуры, а на принципе их гармонического соединения, на создании некоей «симфонии», идея и суть которой и выражается в понятии «политическая культура». Нам известно понятие «симфония властей» как формула идеального взаимодействия церкви и государства и она вполне реальна, поскольку и религия и политика являются элементами культуры. К тому же, возможно, религия — один из определяющих, главных ее элементов, так как религия способна совершенствовать душу и тем самым способствовать человеческому совершенствованию и взаимопониманию, вне которых невозможна жизнь в обществе. Мне тут же возразят «плюралисты» (сознательно использую этот термин, введенный А. И. Солженицыным, а сегодня употребляемый для обозначения либералов радикального толка), что есть сугубо атеистическая культура. Это невозможно отрицать, но известно, что особенно окрепло атеистическое начало в мировоззрении со времен Лютера и возникновения протестантизма и именно это положило начало либерализму, как политическому, так и экономическому. Провозглашение формулы, созданной политеизмом античности, «человек мера всех вещей», и формулой, принятой атеизмом и либерализмом, — «все для человека», «человек превыше всего» логично приводят к мысли о человеке «безразмерном», которому «все дозволено», а поскольку все одинаково равны и свободны, то все дозволено каждому. Чем это кончается прекрасно выразил Т. Гоббс, назвав это состояние «войной всех против всех». А это конец цивилизации, культуры и существованию человека, вообще.

(Продолжение следует)

Литература

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 376–644.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 2. М., 1971. С. 264–267.
4. Гердер И. О. Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977.
5. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. 1999. № 1. С. 10–25.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 2002.

¹Обращаю внимание читателей на диссертацию 2015 г. А.С. Петровой, в которой дан тщательный анализ этих источников, а также современной российской и западной литературы по данному вопросу.

7. Мор Т. Утопия. М. : Наука, 1978.
8. Прошина Е. М. О консервативно-либеральной модели политической модернизации в современной России // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2013. Т. 4. Вып. 3 (10). С. 56–69.
9. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М. : Феникс, 1998.
10. Токвиль А. Демократия в Америке: пер. с франц. / предисл. Гарольда Дж. Ласки. М. : Прогресс, 1992.

Об авторе:

Прошина Елена Михайловна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, профессор; elena_proshina@mail.ru

References

1. Aristotle. Politics // Aristotle. Compositions: In 4 v. М. : Thought, 1983. V. 4. P. 376–644.
2. Weber M. Politics as calling and profession//Chosen works. М. : Progress, 1990.
3. Hegel G.W.F. Science of Logic. V. 2. М., 1971. P. 264–267.
4. Herder J.G. Ideas on the Philosophy of the History of Mankind. М. : Science, 1977.
5. Diamond L. Is the Third Wave Over? // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 1999. N 1. P. 10–25.
6. Dal V. Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language. V. 1. М., 2002.
7. More T. Utopia. М. : Science, 1978.
8. Proshina E.M. On the conservative and liberal model of political modernization in modern Russia // Scientific works of North-West Institute of Management of RANEPА [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. 2013. V. 4. Issue 3 (10). P. 56–69.
9. Smelser N. Sociology: translation from English М. : Phoenix, 1998.
10. Tocqueville A. Democracy in America: translation from french / Introduction of Harold J. Laski. М. : Progress, 1992.

About the author:

Elena M. Proshina, Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Professor; elena_proshina@mail.ru